

КНИГА
ПЕРВАЯ

АНТОН АТРИ

КОГДА
МОЛЧИТ
МОРЕ

НАСЛЕДНАЯ
ЦАРЕВНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. О мире триедином.....	5
Сказ первый: Вороновая тень да в ясный день	7
Глава первая. Про уговор да дела давние	9
Глава вторая. О лихих людях да морской пене	46
Глава третья. О царевнах, Чародее да вороне	81
Сказ второй: Плата, что кровью, не златом	129
Глава четвертая. Про Камнетопь, русалку и сожженный город	130
Глава пятая. О царе болот да Лукоморском дубе ..	167
Глава шестая. О челне, сестрах да Дивен-Граде. ...	218
Глава седьмая. Про Несмеяну с Тугариным да перо Жар-птицы	261
Сказ третий: СМЕРТЯШКА	317
Глава восьмая. Про богатыря, Лихо да любовь с прощанием.....	318
Глава девятая. О Бабе-яге, Василисе Прекрасной и войне.....	364

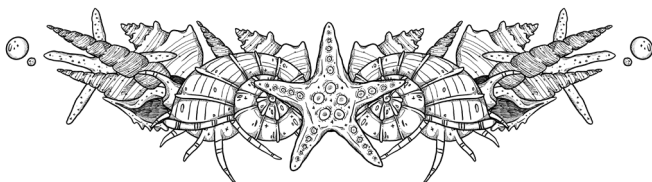

ПРОЛОГ

О МИРЕ
ТРЕУГОЛЬНОМ

Широка сторона, от вершинки до дна
В ней порядок царит, ох, ярлом горит
И от малой былинки до буйного моря
Как падет тот закон, расплескается горе...

Бескрайни земли мира триединого. От владений царя Еремея, что справедливо правит в Яви Царством-Государством, через знойные степи воинственных тугар да золотые барханы великой Пустыни простираются они до самого Дивен-Града — драгоценной жемчужины Востока. Через коварные болота Камнетопи и Кáлинов мост, что над рекою Сморо́диной перекинут, лежит дорога в мрачное Темнолесье да саму Навь — Тридевятое царство мертвых, куда вход сторожит сама Баба-яга, а живым путь заказан. Ходят из белокаменного порта Лукоморья челны в далекое Заморское царство, где собрал царь Гвидон все чудеса, что есть на свете. А под толщею синею Моря-Окияна, сокрытый буйными его водами на глубинах придонных Прави, восседает во Хрустальном дворце вечный Володыка — властитель всех вод мирских. Да с дочерьми своими — царевной Марьей Моревной по правую руку да Варварой-красой по левую. Многолики земли триединые, от затерянного средь туманов Кита-рыбы-острова до студеных ветрами просторов Степь-Тайги, да испокон веков порядок в них заведен. Было так, да впредь будет. Покуда не найдется тот, кто хрупкое равновесие то разрушит...

СКАЗ ПЕРВЫЙ

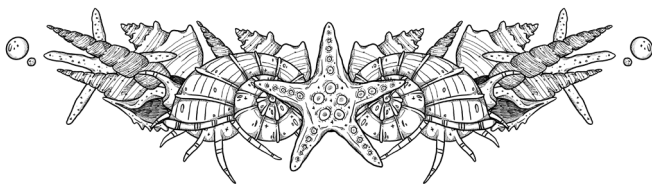
**Вороновая тень
да в ясный день**

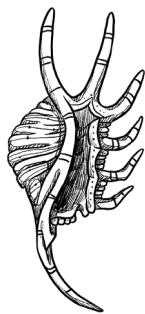

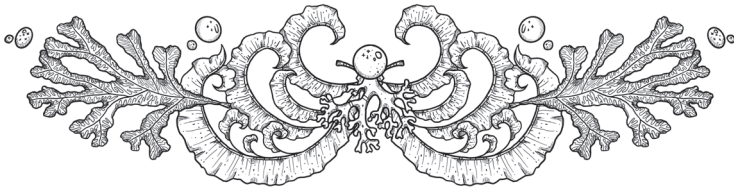
Вороновая тень украдет ясный день.
Проснешься с утра, а в доме — беда!

Поплачем посла, дорога длинна.
Долг в путь коль зовет, так ступай за порог...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Про уговор да дела давние

За две дюжины лет
до дней нынешних
Царство-Государство

Светало. Солнце, бледное, белесое, точно козий сыр, едва показалось из-под затянутого дымкой горизонта, и в тусклом свете его на пустынный берег с мерною ленцою накатывали студёные ранней осенью волны Моря-Окияна. Ворошили тяжелой дланью песок да мелкие камни, пели с резкими порывами ветра да растекались по гальке хлопьями рыхлой пены.

С окрестных скал за ленивой игрой вод наблюдали вечно голодные чайки. Всякий раз, как волны отступали, принимались они оглашать окрестности громкими, ворчливыми с тоскою, криками. Ибо вновь и вновь

не оправдывало Море их чаяний и не оставляло после себя ни единой рыбешки на поживу. Впрочем, настырные пернатые все ж не улетали, продолжая всматриваться в пустые, мокрые камни. И даже пришедший с моря дождь не смог согнать их с насиженных мест.

Одинокий всадник, что вдруг явился на брег, конечно, не мог не привлечь к себе птичье внимание. Сгорбленный, усталый, укутанный в потрепанный алый плащ да с воздетым на голову помятым остроконечным шлемом, что давно уж не сверкал под солнцем, он явно прибыл сюда издалека. И проскакал без остановки не один день. Завидев чужака, чайки беспокойно заголосили, закричали гневно, иные даже поднялись на крыло, да только чужак и не взглянул на них. Не поднимая главы, довел коня до самой воды, замер на миг, огляделся и тяжело спешился, не страшась замочить ноги белой пеною. Затем тяжело вздохнул, развязал да отбросил прочь ножны с добротным мечом, на кромке которого запеклась бурая кровь, и, не снимая сапог, побрел в море. То и дело оскальзываясь на камнях, пошатываясь под ударами волн, остановился он, лишь когда забились они о латный круг его нагрудника. Вновь замер, задышал неровно, позволяя обжигающе холодной воде пропитать свои одежды, смыть с них кровь и грязь едва отгремевшей битвы. Остудить натруженные, усталые члены. А затем, приложив ладони к лицу, крикнул дважды:

— Во-ло-ды-ка! Во-ло-ды-ы-ка-а!

Клич его, зычный, глубокий, тут же подхватил ветер. Понес далеко, растрепал, развеял над волнами. И ответом зовущему стал лишь равнодушный гул утреннего моря.

«Нешто не явится?»

Витязь неспешно отнял длани от губ и, прищурившись от разгорающегося солнца, взгляделся в горизонт. «Да нет. Нет. Быть того не может».

Не могла судьба сотворить с ним такую злую шутку. Не для того выстоял он, молодой царь, плечом к плечу с братьями-витязями в стольких кровопролитных битвах с ордами треклятых тугар. Степняками, что жили лишь кочевьем да набегами, и тревожили земли Царства-Государства еще при его, Еремея, прадедах.

Не для того, заклиная¹, клятвенное дал слово он воеводе своему, Переславу Никитичу, что с подмогую великою воротится. Такой, что раз и навсегда врага лютого в бегство обратит. Да, морской Володыка для Царства-Государства был крайней надеждою. А значит, готов был молодой Еремей звать его столько, сколь надобно. А значит — должен был тот явиться на зов непременно.

Дернув пряжку, царь уронил с плеч ставший слишком тяжелым плащ, зачерпнул в ладони студеную воду и отер ею с силой лицо. После чего крикнул снова. Яростнее, громче, отчаяннее:

— Во-о-ло-о-ды-ы-ка-а!

И на сей раз море ему ответило.

— Зачем зовешь меня, царь?

За спиной Еремея раздался вдруг спокойный, глубокий голос. Слышались в нем одним разом будто и гул Окияна, и отдаленные раскаты грома, и шипение проливного дождя со звонкою песней молодых ручейков, что рождаются и умирают одним-единственным днем.

— Приветствую тебя, Володыка Придонный, хозяин всех морей и вод земных.

¹ Заклинать — настойчиво умолять.

Еремей с поклоном обернулся, точно зная, что глас тот лишь одному во всех землях триединых принадлежать может.

— Желаю я подмоги твоей.

— Подмоги?

Володыка обвел взором спокойную гладь Окияна. Закованный в диковинную, подернутую патиной да тиной броню, что сработана была то ли из камня, то ли из раковин невиданных жемчужниц, он возвышался над Еремеем на целую голову. И ветер трепал его длинные, белоснежные бороду и волосы, а солнце сверкало на острых гранях зубастой, точно щука, короны.

— И в чем же желаешь, чтобы я тебе подсобил?

— Помоги тугар отбить. Сил больше нет от их набегов, — Еремей невольно оскалился. — Поля жгут, деревни громят. Людей в неволю уведят! А кого... так и вовсе режут, точно скотину какую.

— На то и война... — Володыка равнодушно пожал плечами, а после, чуть помолчав, задумчиво молвил: — Да и почему мне о бедах твоих заботиться? До людских свар морю дела нет.

— То верно, — Еремей кивнул. — Да вот только не могу я своими силами войска Тугарина обрат до степей бросить. Оттого и пришел, что выбора нет.

Царь замолчал и дернул недовольно щекою.

— А коль подсобишь мне в том, чтобы землю мою спасти, так и проси чего хочешь.

— Чего хочу, говоришь?

В голосе Володыки впервые послышался интерес.

— А уверен ль ты, царь, что готов мне ту цену дать, что я запрошу?

Морской правитель пронзил земного взором глубоких, темных, точно колодезные провалы, глаз, запрыганных под кустистые, седые брови.

— Уверен.

Еремей ответил твердо, спокойно выдержав взгляд Володыки.

— Кабы не уверен был, так и к тебе б и не пришел. Да и... — он вздохнул тяжело, — нету у меня иного выбора.

— Что ж, раз так, то слушай мое слово...

Морской Володыка степенно кивнул, сжимая в могучей длани острогу.

— Выделю я тебе, царь Еремей, свою дружину морскую, Черномора и его богатырей. Тридцать три молодца. Нет на свете воинства, что их одолеть сможет, будь уверен. И седмицы² не пройдет, как не останется ни одного степняка на твоей земле. Как, любо тебе мое предложение?

— Любо... — Еремей напряженно кивнул. — А взамен что?

— А взамен... выдашь своего первенца, того, что жена под сердцем носит, за дочь мою. Ту, что сам я выберу. Ровно через две дюжины лет. Уговор?

Володыка свысока взглянул на человека.

— Уговор...

Еремей ответил после долгого молчания, с тяжким усталым выдохом.

— Вот и славно.

Морской царь, довольно прищурившись, полной грудью вдохнул соленый морской ветер, а после добавил задумчиво:

² Седмица — неделя.

— Но смотри, царь, коли слово не удержишь...

Невысказанная угроза повисла в воздухе, но Еремей от того лишь нахмурился:

— Не бойся, Володыка. Сдержу. Царское слово на то и царское, что гранита тверже. Высылай свою дружину...

Не прощаясь, царь побрел прочь, а вслед ему глядело лишь наконец оторвавшееся от воды солнце. Вскоре берег опустел. И об уговоре, что здесь стался, напоминал лишь безмолвный свидетель — плащ, что лениво раскачивался на перине свинцовых волн. Изодранный, кроваво-алый, так напоминающий сорванный с поверженной крепости стяг³.

Дни нынешние
ЦАРСТВО-ГОСУДАРСТВО

По лесной дороге, накатанной крестьянскими телегами, неспешно ехали всадники. Две дюжины витязей, в кольчугах да островерхих, сверкающих багровым огнем умирающего солнца шлемах. Вооруженные пиками и мечами, с притороченными к седлам каплевидными щитами, на каждом из коих гордо красовался всадник с воздетым над змием мечом — знак победителей, что одолели Тугаровы орды. То были особливые витязи царя Еремея, его личная, почетная стража.

Сам государь был здесь же. Облаченный под стать своим витязям, по-военному строго восседая на

³ Стяг — знамя.

